

МЕСТО АНИСИМОВОЙ

Независимый газет. - 1999. - 27 ноября. - с. 16

Рассказ об актрисе, устоявшей перед обстоятельствами, временем, соблазнами и невзгодами и сделавшей из профессии служение

Вера Максимова

...КОГДА в 1943 году она вернулась из уральской эвакуации, от ее правильной московской речи не осталось и следа. Над ее говорком, неправильными ударениями смеялись. Огромноглазая, с лукавой и нежной улыбкой, женственная, с низким, виолончельным голосом, она страдала, никогда и ни от кого не слыша, как она хороша. Хороша она была настолько, что ее — девочку из нетеатральной семьи, где жило бедно, где долго и тяжело болела мать, не игравшую даже в самодеятельности, — с ходу приняли во ВГИК на курс Бориса Андреевича Бабочкина и Нины Алисовой. Все шло хорошо и гладко, студенты-режиссеры напорей звали первокурсницу сниматься в учебных фильмах. Но в зимнюю сессию возглавлявшие кафедру актерского мастерства Сергей Герасимов и Тамара Макарова потребовали ее отчисления.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Бабочкин позвонил Цецилии Львовне Мансуровой, та вместе с педагогами-вахтанговцами Львовой и Шихматовым посмотрела, послушала, и жизнь юной Анисимовой вышла на свое основное направление — ее взяли в Шукшинское училище.

Главным человеком в ее судьбе стала, конечно, Мансурова, первая, великая вахтанговская Турандот. Мансурова «учила собой» — тем, какой была, как жила, — щедрая, вечно бурлящая и очень добрая. Учила смелости и яркости, непредсказуемости, «вахтанговским пределам», максимализму мастерства, свободе творческого существования во всем диапазоне жанров — от водевиля до трагедии. Так именно Галина Анисимова и выпускалась — играла старый русский водевиль «Дайте мне старуху...», горьковскую Настю в «На дне» и Ларису в «Бесприданнице». Анисимову, однако, в Театр имени Вахтангова не взяли. Женщины-ми труппа была переполнена, пригласили одного Юрия Яковлева.

В Театре драмы на улице Герцена, вскоре переименованном в Театр имени Маяковского, она встретилась с Николаем Павловичем Охлопковым. В 50-е годы он омолаживал свою уникальную труппу. Охлопков, великолепный, красивый, в ту пору полный сил, работал неутомимо, много. Он и актерскую коллекцию умел сохранить — загружал до предела работ.

Очередной режиссер Владимир Дудин современными театральными радикалами забыт, а ведь с ним работала Бабанова. Если не считать забавного и озорного подростка — Тони в «Журбиных», то свой дебют Галина Анисимова сыграла у Дудина, в первом составе получив роль нежной восточной царевны Ширин в «Легенде о любви». Великолепная Татьяна Карпова была рядом — жертвенная, опасная в гневе и любви Мехменз-Бану, смиряющая себя в трагическом соперничестве с младшей сестрой. Дудин тщательно занимался пластикой обеих героинь — ладонями и ступнями, постановкой головы и корпуса; отрабатывал вкрадчивый и мягкий шаг, восточную «музыкальность» тела.

Галина Анисимова так именно свое назначение лирической актрисы и приняла. Была довольна, порой даже счастлива — играя подряд, после Тони Журбиной, чистую и страдающую Ма-

риану в «Персональном деле» Александра Штейна, девочку, которая проникла в трагедию исключенного из партии, ни в чем не повинного отца; потом девочку времен ленинградской блокады — Полину в «Гостинице «Астория» и девушку-партизанку из написанной стихами пьесы еще не «диссидента» Александра Галича «За час до рассвета»...

РУКА СУДЬБЫ

Если бы Охлопков не увидел в молодой Анисимовой лирической актрисы, не получила бы она роль Офелии в его «Гамлете». Но в театре всегда чья-то радость соседствует с чьей-то болью. Всесильный Молотов, к несчастью, театром интересовавшийся, заметил, что Бабанова для шекспировской героини стара, и на следующий вечер Галина Анисимова получила приказ войти в роль. Ничем она не была виновата перед Марией Ивановной. Обмирала от страха. И ныне — настаивает на том, что по мере сил, с трепетом и увлечением лишь следовала Бабановой. Из четкой и грациозной, выпестованной формы, плавных и ритмичных проходов, жестов, как со старинной гравюры, стремительных пробегов и кружений в сцене безумия выйти было попросту невозможно. Бабанова в роли «серебряно» пела, не только песенку сумасшедшей Офелии перед гибелью, но слова, фразы, вкладывая в них нежность, и детское удивление, и обиду, и чистейшую любовь. Низкий голос Анисимовой тоже «пропевал» шекспировский текст. Никогда, до самой смерти, Мария Ивановна Бабанова, человек беспримерной нетерпимости, мучительного, в том числе и для себя, характера, больше не повернула головы в сторону преемницы.

Охлопков придумал соединить в дуэты русских и англичан: Евгения Самойлова — Гамлета с Мэри Юр — Офелией, а Анисимову с Полом Скофилдом. И снял пары на телевидении. Евгений Самойлов — романтик и большое дитя, — бодрясь, обещал: «Я его (то есть Скофилда) заиграю...» На первой же репетиции он накинута на тонкую, худую, игравшую непривычно просто, в своих волосах, почти без грима Мэри Юр, так закричал, заклокотал, «запел», что английская актриса в испуге отшатнулась, и Охлопков пришлось вмешаться, утихомиривать «романтика».

Испуганных Офелий, хоть и по разным причинам, оказалось две. Анисимова испытала страх еще до начала работы, увидев Пола Скофилда в коридоре на Шаболовке. В черном бархатном траурном колете на нее двинулся подлинный Принц. Стать была королевской и голос звучал неслышанно — низко и властно. Горестно и бесстрашно смотрели глаза. «Я умерла от ужаса...», — вспоминает актриса, ощутила себя — со всеми своими косичками, завернутыми баранкой, голубым платьем, которое натягивали и стягивали, потому что была она уже беременна будущим сыном, «барышней-крестьянкой».

Скофилд играл по-английски, Анисимова — по-русски. Но разность языков ощущалась не только в буквальном, но и ритмическом, музыкальном плане. Они, охлопковцы, «пропевали» шекспировский текст, подымали его до декламации, до экстаза. Англичане — говорили просто. Длинные в русском переводе фразы по-английски оказывались короткими, «пружинными». Анисимова любила свою

единственную шекспировскую роль, долго ее играла со всеми Гамлетами — с Самойловым, Коляковым, «ввела» Марцевича.

КАК ОНА СТАЛА ХАРАКТЕРНОЙ АКТРИСОЙ

Шли годы, менялись сезоны... Старел и начал болеть казавшийся вечным, прекрасным и сильным Николай Павлович. Беспокоясь о своих питомцах, о том, какими они останутся без него, он пробовал их в новом качестве. Нежную, лирическую Анисимо-

и компанейской, общественницей и «товарищем» мужчин, поэтично мечтающей об обычном, домашнем, женском счастье.

Характерность высшего душевного порядка была в Саре Мелоди («Таверна Мелоди» О'Нила). Отца Мелоди играл Лев Свердлин, по собственному выбору и для себя ставивший спектакль. Сара являлась на сцену совершенным творением природы, в расцвете зрелой женской красоты, плотских стра-

сах» Войновича. Материнское открывалось и в ее полке Анне в спектакле «Конец книги шестой» по пьесе Бродского — простой женщине рядом с гигантом средневековья Коперником.

В знаменитом спектакле Гончарова «Трамвай «Желание» сыграла крошечную роль Юнис — жительницу окраины, драчунью и крикушу. В другом знаменитом спектакле Гончарова — «Детях Ванюшина», урода и преображая себя гримом, париком, косноязычной речью, колченогой походкой, — она «сочинила» роль горничной Авдотьи, а в «Леди Макбет Мценского уезда» — служанки Аксиньи.

УМЕНИЕ ЖДАТЬ

Творчески обласканная Охлопковым, долгие годы жившая в театре счастливо, несколько раз она думала о переходе в другой коллектив — так поступили Толмазов, Вера Орлова, Марцевич. Анисимова не ушла. Не оратор, не боец, она не роптала и не восставала. В безролье умудрялась она не потерять себя, тренироваться, экспериментировать с внешностью, пластикой, звучаниями. Нельзя было не запомнить ее Марину Зотову в гончаровской версии «Жизни Клима Самгина» — с тяжелыми косами вокруг точеной головы, полнотелую, с низким глубоким голосом. Ее Марина и в Европе жила, и книг ученых читалась, и на языках иностранных говорит, и деньги по-современному копить умеет, а кончила — изуверством, кошмаром ночных хлыстовских бдений, в них найдя утоление безмерному властолюбию «новой богородицы», великому презрению к «людишкам».

За терпение ли, за молчание или умение ждать, но судьба подарила встречу. В 70-е годы появился молодой талантливый человек, режиссер из Иркутска Борис Кондратьев, которого приняла, а не отторгла, как других провинциалов, жестокая театральная Москва. Он увлекся работой с Анисимовой, поставил с ней три спектакля, напомнив о диапазоне актрисы — такой смешной в «Энергичных людях» Шукшина в роли жены великого «спекулятора», доносчицы-обличительницы из ювелирторга Веры Сергеевны; так трогательно расцветавшей в любви начальницы Калугиной в «Служивцах» Брагинского—Рязанова. В «Празднике души» Иона Друцэ Анисимова сыграла трагическую роль молдаванки Веты — мать и жена в семье стяжателей весь спектакль не произнесла ни единого слова, лишь смотрела, перебирала натруженными пальцами по приказу зверя-мужа бесконечную фасоль.

Мария Васильевна в «Плодах просвещения» Петра Фоменко — шедевр актрисы. Истинно толстовская роль, с идеальным владением стихией толстовского слова. Одно только восклицание «Да!!!» в поддержку спирита профессора Кругосветлова кажется необъятным монологом, так разнообразны были интонации — восторга, бурного клекотания, страстного детского желания участвовать в многозначительной глупости.

Я полностью разделяю мысль Андрея Гончарова, высказанную в его статье «Есть женщины в русских театрах» о Галине Анисимовой: «В созвездии прославленных звезд Театра им. Вл. Маяковского она занимает свое место, но главное — выделяется таким отношением к профессии, которое делает эту профессию призванием».

Галина Александровна Анисимова.
Фото Михаила Гутермана

ву — в очень жесткой, прозаической роли Тамары в «Проводах белых ночей» Пановой, которые под охлопковским руководством поставила Зотова. Дар пронзительного актерского зрения, нагнетания деталей, черт открывается в образе благополучной дочки из номенклатурной ленинградской семьи, счастливой соперницы бедной Нинки. Лишь отчасти принадлежа к поколению «шестидесятников», Анисимова беспопашно сказала о языке, оборотной стороне хваленной хрущевской «оттепели» — кричащем и замалчиваемом неравенстве.

Эффектно одетая, с прической от дорогого парикмахера, очаровательно наглая, баловница судьбы, поглотительница благ, Тамара в исполнении Анисимовой несла в себе эстетику правительственных дач, закрытых клиник, персональных машин, вседозволенности и протекционизма. Все было узнаваемо в роли и бросалось в лицо зрителю — знавшему и молчавшему — как оскорбление.

С тех пор лирическая Анисимова стала характерной актрисой. И в роли Груше в «Кавказском меловом круге» — такой русской с мягкими чертами, вздернутым носиком, отважной и страстной в одинокой борьбе грузинкой. И в «деловой женщине» Кате Дошенко в «Весенних скрипках» — уверенной, веселой

тей, особенно болезненных в убогости и одиночестве дома Мелоди. Отец не догадывался, что нечаянно вырастил в дочери подобие себе, только без мечтаний, без сердца. В прекрасном облике, отпущением и наказанием возвращался к старому эгоисту живой бумеранг, ударял прямо в его черствую душу.

Охлопков умирает, наступает иное время. Приходит Андрей Александрович Гончаров. В спектакле «Таланты и поклонники» приглашенной на постановку Марии Кнебель Анисимова сыграла одну из самых обаятельных своих ролей, актрису Смелскую. Переливались и блестили шелка ее изящных туалетов. Сияла белозубая улыбка. Смелская была не пошла, была простодушна — совсем не враг Негиной. И — отнюдь не бездарна. Напротив, верилось, что Смелская прелестна в любимом публикой жанрах — водевиле, фарсе, комедии. Неги-на металась, страдала, принуждала себя. Смелская же жила легко, грешила как-то не всерьез, и, проводив подругу Сашу, чуть позабывав ее блестящей судьбе возле богача Великотова, отправлялась с удовольствием ужинать и с удовольствием жить дальше.

Ей было около сорока, пришла пора играть матерей и матерон. Сыграла мать в запрещенных инстанциях «Двух товари-